

Интервью номера

Пастернаки
и братки

Юрий КОВАЛЕНКО, Париж

— Василий Павлович! На этот раз в Москву из французского Биаррица, куда вы переехали из Америки, вы едете в момент, когда Россия переживает национальную трагедию...

— Она давно уже развивается, но сейчас приняла какие-то совершенно чудовищные формы. Это уже не трагедия, а беспредельная деградация всего вокруг. Те, кто провел захват заложников в Беслане, — не люди, а настоящие выродки. Не понятны их мотивы — за исключением только одного, главного — садизм, страсть к убийству и к смерти. Вот они оказались чемпионами в этом всемирном кошмаре, который развивается. Они сконцентрировались на делях, и их действия принимают пределы библейского характера — то самое избиение младенцев, которое царь Ирод совершил для предотвращения прихода Христа.

— Трагедия усугубилась тем, как была организована операция по спасению...

— Знаете, в данном случае я категорически не присоединяюсь к тем, кто вместо того чтобы обвинять недоеды, обрушивается на правительство. Я никогда не считал, что надо верить каждому слову правительства, но в то же время я не считаю, что надо обязательно не верить каждому его слову... В данном случае надо особо сказать о солдатах и бойцах, которые рисковали своей жизнью, пытались спасти детей и взрослых заложников. Весь мир это видел. И нельзя было требовать только переговоров с Масхадовым, как об этом сразу заговорили наши правозащитники. В потоках обвинений о сокрытии со стороны властей, армии я вижу проявление какого-то рабского инстинкта — обвинять жертвы и, таким образом, выпоразничать убитых... В чем действительно стоит обвинить правительство и вооруженные силы, так это в том, каким образом на небольшой территории, где стоит огромная оккупационная армия в 80 тысяч человек, можно создавать подобные хорошо вооруженные и тренированные банды. За последние месяцы они проводят одна за другой акции, которые оказывались без ответа. Что это за странная неэффективность вроде бы смелых парней, которых мы видим, этой великолепной «Альфы»? Столько лет не могут арестовать главарей — Масхадова и Басаева.

— Вы полагаете, что чеченскую проблему можно решить силовым путем?

— Я думаю не совсем так же, как президент, когда он говорит, что это сугубо международная проблема. Она может быть в целом международной, потому что является частью какого-то бешенства, разыгравшегося в мусульманском мире, но всякий раз эта проблема приобретает местные черты... Есть некоторые забытые страшные войны, как, например, в Алжире, где борьбу с правительством светского характера ведут религиозные фанатики. И там за эти годы для наведения ужаса вырезаны 150 тысяч крестьян. И Чечня

Василий Аксенов
едет в Москву
на презентацию
телесериала
«Московская сага»

является частью общей картины. Они учатся друг у друга, позаимствовав «шахидизм» из Палестины, а идеологию, подготовку и вооружение — из «Аль-Каиды». Тем не менее идет местная война, отражающая невероятное этническое сплетение Кавказа.

— Но разве не лучше пойти на переговоры хоть с дьяволом ради спасения своих детей? Нас ждут другие гибельные теракты...

— Смотря с каким дьяволом. Я об этом писал задолго до 11 сентября. У нас единобожная религия, Аллах один, но дьяволы разные — и у русских, и у чеченцев, и у палестинцев, и у иудеев. Пусть дьяволы между собой собираются, а люди, которые могут поднять голову против дьявольщины, должны знать, с кем разговаривают. Нельзя садиться за стол с похитителями людей, с работниками, с безжалостными кровопийцами.

— Значит, надо уметь защищать себя от дьяволов — а это не получается...

— Не обязательно главарей ликвидировать, лучше было бы отащить их под суд и разобраться. Юстиция должна работать как в цивилизованных государствах, а не так, чтобы хватать Ходорковского и засовывать его в тюрьму. Если суд даст санкцию на то, чтобы эти люди могли участвовать в переговорах, тогда пожалуйста. Если нет, то пусть отправляются в тюрьму или под расстрел.

— Российский начальник Генштаба Вооруженных сил генерал Балуховский объявил, что мы теперь будем мочить террористов в любой точке земного шара. Иными словами, в нарушение международного права, пойдем американским путем...

— Американцы нарушили это право, но их два колоссальных удара в ответ на нападение «Аль-Каиды» что-то значат. Это показывает, что у них вряд ли что-то может получиться. Это уже состояние войны, в которую Россия вовлечена.

— Американцы в ней наши союзники?

— В плане борьбы с терроризмом — да, но у них же много всяких соображений, включая предвыборную борьбу, сохранение объективности.

— Со своей стороны британны дали убежище Закаеву...

— Закаев был когда-то, насколько мне известно, талантливый актер, у него благородная внешность. Но он был вовлечен в резню... Говорят о независимости, но хотя чего-то другого, того, что у них было после Хасавюртовских соглашений —

бандитского гнезда, где, кстати, имел место геноцид русских.

— Сейчас Россия переживает поворотный момент. Есть опасность того, что власти еще сильнее закрутят гайки...

— Есть такая угроза... Этим с удовольствием воспользуется масса людей. Но демократические силы должны требовать ответа на вопрос, почему так неэффективно идет борьба с терроризмом.

— В верхних эшелонах власти не полетела ни одна голова — ни шефа МВД, ни ФСБ...

— Они-то мне и не внушают доверия. Наши спецназовцы — настоящие солдаты, но вот генералы в их чудовищных гигантских фуражках мне кажутся ненастоящими...

«Американская
кириллица»

— Давайте сменим тему... Вы едете в Москву на презентацию телесериала, снятого по вашей книге «Московская сага»...

— Фильм начнут показывать в начале октября. Я видел только блок из четырех часов, но всего будет 24 серии по 50 минут каждая. Автору все это смотреть довольно трудно. Но когда раздражение уходит — а оно время от времени все-таки появляется, — чувствуешь, что просто следишь за тем, что происходит на экране. И я уже почти верю, что именно такой образ должен быть, как, скажем, играет Александр Балухов. Он в моей авторской фантазии был совсем другим человеком, но я начинаю верить ему, особенно когда он уже зрелый мужчина, маршал, командир резервного фронта во время войны... Я чувствую, что попался, вовлечен, смотрю с большим увлечением проходящую историю и ловлю там отголоски своего сочинения.

— То есть экранизация полностью не следует оригиналу?

— Там написано, что это по мотивам романа-трилогии «Московская сага»...

— Как в целом вы относитесь к экранизациям?

— Я знаю некоторые экранизации — правда, очень редкие, — которые бывают лучше оригинала. Например, «Невыносимую легкость бытия» Кундеры я читал в русском переводе, который хромал. И у меня не было такого потрясения, какое я испытал во время фильма. В основном экранизация всегда отдалена от источника. Любая картина — это создание большой группы людей, а сочинение — творчество одного человека.

— Экранизация всегда вызывает интерес к книге. После телесериала «Идиот» даже входил в список бестселлеров. Наверное, ваше издательство уже готовит новый тираж «Московской саги»?

— Я это заслужил. Но дело в том, что наши книготорговцы все это делают как то неловко, в отличие от американцев, которые, занимаясь маркетингом, тут же готовят тираж к моменту выхода кино.

— У вас еще в Москве выходят одновременно три книги...

— «Вольтерьянцы и вольтерьянки», которая вышла 31 августа, я еще не видел. В том же издательстве «Изограф» под эгидой «ЭКМО» выйдет «Десятилетие клеветы. Радионевник писателя». Это нечто вроде мемуаров, мои тексты, созданные, когда я работал «клеветником» на «Голосе Америки» и на «Свободе». Издательство «НЛО» печатает лауреатов американской премии «Либберти» за вклад в сотрудничество двух культур. Пару лет назад эту премию в Америке получил и я. Моя книга называется «Американская кириллица» — это американская нота в моих вещах. В ней есть и много новых текстов, и одновременно коллаж из старых. Наконец, в первом номере журнала «Новый очевидец» напечатан мой рассказ «Зеница ока». У него странная история. Я написал его в 60-м году, и назывался он тогда «Голубой глаз отца». Но не смог его опубликовать, так как тема была очень острая. Потом я о нем забыл, и однажды, перебираясь с квартиры на квартиру в Соединенных Штатах, обнаружил этот пожелтевший текст и подумал, что надо бы его выправить. И когда у меня попросили рассказ, то я его написал заново.

— Ну а в ноябре в Москве снова заседает жюри премии «Триумф», членом которого вы являетесь...

— Березовский по-прежнему поддерживает «Триумф» — и так просто его фонд не выбросишь. В числе ее лауреатов лучшие люди российского искусства.

— Вы недавно сказали, что в Москве появились молодые Пастернаки. Что вы имели в виду?

— Выражение лиц у них такое... Говорят, что у нас произошла криминализация общества и что тип молодого человека скорее похож на братка, чем на интеллектуала 60-х годов, которые, как иронически говорили, были одновременно аквантангисты, скалолазы, барды и физики. Есть, конечно, и бранные качки. Но когда я приезжаю в Москву, то с удивлением вижу, что существует и разрастается класс художественной артистической молодежи. Я вижу, что к этим браткам они не имеют никакого отношения.

— Всегда одновременно существовало две России — братков и Пастернаков...

— Сам Пастернак был человеком, совершенно опытным окружающим миром — растениями, запахами, небом, водой. А это немножко божьи ребята. Может, когда-то из этого поколения вырастут новые поэты.

ВИКТОР ХРАПОВСКИЙ